

*И воззрел Бог на землю, – и вот, она растленна:
ибо всякая плоть извратила путь свой на земле.*

1 кн. Моисеева.

Бытие, 6:12

*Одни строят стены, другие прячутся за них,
Третьи – стены разрушают.*

Автор

Глава 1. Сю-впечатление в начале XXI века

Чёрный ворон на иссохшей сосне пристально следил за одиноким путником – мужчиной средних лет с чёрными длинными волосами и ухоженной смоляной бородкой. Что-то в облике человека привлекало внимание птицы: горделивая осанка или одержимый взгляд – кто же знает? Звали его Виктор, причём с ударением на последний слог. Он шёл по безлюдному берегу широкой реки, отражавшей перламутровой гладью мягкий румянец рассвета. На влажном,

холодном песке оставались чёткие следы ступней, и Виктор старался ещё глубже продавливать береговую твердь.

– Следы на песке – видимая связь прошлого с будущим! – сказал громко Виктор, обращаясь к птице, и, не дождавшись ответа, продолжил:

Земля – последнее для нас объятие,
И красота в ней обернется прахом.

Ворон тяжело взмахнул крыльями и полетел прочь. Виктор намеревался сделать следующий шаг в грядущее, но замер, с любопытством разглядывая пустые безжизненные глаза, изящный ротик, застывший в полуулыбке, каштановые спутавшиеся волосы с неестественным блеском.

– Не надо притворяться, милочка!.. Или ты решила свести с жизнью счёты? Посмотри вокруг, как прекрасен мир! – Виктор поднял брошенную куклу и усадил на травяной бугорок, согнув пластмассовые руки и ноги, имитируя позу ангелочка на намалёванном облачке. – Нет, милая, до божества тебе далеко. В твоих глазах нет милосердия...

Утреннее июльское солнце неторопливо выкатилось из-за песчаного косогора, поросшего густым лесом, и вмиг разбросало сияющий жемчуг бликов по тихой воде. Редкая тишина для этого пасхально-звонкого приволжского раздолья. Задержался где-то ветерок. Умывает далёкие Жигулёвские горы.

Виктор энергично поводит загорелыми плечами, ступил на мелководе и, ощутив приятную свежесть воды, с разбегу бросился в её лонную зыбь. Он плыл, наслаждаясь безмолвием и вековечным миром. Небо и вода невидимо сливались в туманном разливе реки, и Виктору казалось, что он парит в пространстве небытия.

Точка, вдруг обозначившаяся вдали, увеличивалась, и Виктор увидел странную птицу, плавно взмахивающую стреловидными крыльями. Птица летела в сторону пловца, касаясь воды. На ней спиной к Виктору сидела девушка и помогала птице махать длинными крыльями.

– Да это же лодка! – догадался Виктор.

Девушка перестала грести красными вёслами, обернулась, и утреннее солнце косыми лучами раззолотило дивное лицо и длинные, струящиеся по плечам волосы. Виктор изумился неожиданному сходству незнакомки с вымышленным идеалом, который он бережно утаивал от всего мира. Увидев пловца, девушка развернула лодку и поплыла прочь. Синяя птица счастья ускользала от Виктора, и он устремился за ней.

– Послушайте, прекрасная незнакомка! Остановитесь, пожалуйста!

– Я ищу свою куклу... Ку-у-у, – отозвался мир хрустальным звоном незнакомого голоса.

– Ваша кукла на берегу. Я нашёл её на песке и усадил на кочку.

– Вы поступили беспардонно, оставив её одну.

– Вы смеётесь надо мной?! Это же кукла!

– Если вы не разглядели в кукле обнажённость женского одиночества, что вы увидите во мне?

– Скажите хотя бы ваше имя!

– Спросите у ку-уклы-ы, – лодка вошла в туманную пелену, стелившуюся местами по воде, и постепенно исчезла из вида.

– Вы восхитительны! – крикнул Виктор, но его слова вернулись одинокой чайкой, низколетающей и внезапно пикирующей в воду, будто она выискивала в серебре сверкающих бликов гранёные камешки рассыпанной фразы. Виктор повернул назад.

Сосны на берегу, как нахмуренные брови гиганта, сходились к песчаному оврагу, в тених которого ещё хоронилась ночная прохлада, но косогор уже не отпуская солнце, поймал краем обрыва его золотые локоны...

Виктор вышел из воды, постоял в раздумье и зашагал к оврагу, где пряталась лесная тропинка, ведущая к каменному особняку.

Следы на тёмной охре песка, казалось, были оставлены не им, а невидимкой, осторожно ступающим следом. И если Виктор перепрыгивал через большие клещевидные коряги, торчащие из песка, то и невидимка ловко преодолевал препятствие, соблюдая минимальную дистанцию с человеком, указывая на всеединство человека и невидимки. Ангел-хранитель сопровождает тебя, или крадется злой рок? Кто знает?! Ангел ли, сходящий с неба, над головой которого радуга, а лицо как солнце, утверждает волю и разум твои для свершений благих, или зверь, выходящий из земли, с рогами, подобными агнчим, говорящий как дракон, сталкивает тебя в пропасть искушения? Выгонщик духов, имеющий власть над землёй и небом, даёт лишь время покаяться, да сокрушает, как горшки глиняные, надежды иные, не наполненные любовью и верой...

– Здравствуй, Виктор! – хриловатый голос горбоносого тощеватого рыбака в застиранной тельняшке вывел Виктора из раздумья. – Не спотыкнись, чёрт бородатый!

– Алексеич! Доброе утречко, – Виктор поздоровался за руку с пожилым рыбаком и его долговязым сыном, молчаливо переключившим рыбу из лодки в деревянные ящики.

– Доброе, коль не шутишь! Что спозаранку-то утруждаешься? – рыбак снимал лодочный мотор.

– Кто рано встает – тому Бог подаёт, – ответил Виктор.

Рыбак обтёр руки и закурил папиросу, бережно вынув её из дешёвого портсигара:

– Верно говоришь.

– Как улов?

– Рыбёшка есть... Сазана даже взяли, – рыбак подмигнул своему угрюмому напарнику.

Виктор заглянул в лодку. В больших ящиках поблёскивала на солнце только что выловленная рыба: толстобрюхие судаки и крупнорыбчатые лещи изредка шевелили хвостами, вздрагивали жабрами, открывая рот. Их выпученные глаза напоминали пустые круглые имитаторы глаз брошенной куклы, и Виктору показалось, что это маленькие русалки зывают к нему: «Возьми нас, возьми нас...» Он отшатнулся от внезапного наваждения и пробормотал:

– Натюрморт «Ящик с русалками».

Рыбак заметил некоторую оторопь гостя:

– Что, не видал вживе столько рыбы? Возьми на уху-то. Угощаю.

– Эх, Алексеич! Сюда бы бородатых бурлаков с картины Репина и бочонок красного грузинского вина! Написал бы я картину «Распитие утренней свежести с бурлаками на Волге за два часа до царского улова», – отвечал Виктор, глядя на рыбака. Тот отламывал ивовую ветку.

– Кукан тебе будет, чёрт бородатый, – рыбак бросил сломанную ветку Виктору.

– От твоей рыбы, Алексеич, не откажусь, – он принялся насаживать на гибкий прут двух больших судаков.

– Картины твои, Виктор, люди говорят, мудрёные шибко. Женщин обнажённых малюешь с птичьими головами?

– Малюю, Алексеич, портреты актёров и политиков, но бывает и модерн.

– Судить не стану, твоих картинок не видал, а Репина ты вспомнил верно. Рисовал для народа... Вот ты толковал, зимой в Италии любишь жить. А я без Волги-то, без ядрёных морозов не смогу. Из баньки выскочишь да в сугроб. Воздух трещит, пар от тебя столбом к звёздам. Жуть, как хорошо! – говорил рыбак, вытаскивая из лодки сеть, но Виктор его уже не слушал.

Вёсла!.. Два красных весла лежали на песке около рыбацкой лодки. В другое время они могли бы привлечь художника как превосходная натура для этюда, но сейчас Виктор ушёл в мыслях в иное пространство. Он вспомнил незнакомку.

– Понаехали к нам из города эти, как их окрестили ещё при Борисе, новые русские. Все одного покроя! – продолжал рыбак. – Понастроили дома и коттеджи. Деньги вкладывают в землю. А в неё душу надо вкладывать. Ты, чёрт бородатый, – художник, с тебя другой спрос. Скажу тебе, что место для своего жилища ты выбрал на этом берегу зря. Проклятое оно! Полвека назад недалече отсюда церковь затопило – кресты торчали над Волгой. Серёга мой слышал с месяц назад, будто колокол бил под водой.

– Алексеич, а ты сегодня никому не давал свою лодку? – перебил рыбака Виктор.

– Лодку и жену не даю никому! А что спрашиваешь?

– Утром тут плавала красивая девушка на синей лодке.

– Вчера её видал. Краля городская. А сегодня только чайка кружила, да ласточки, видишь, юркают над водицей. Грозу жди после полудня.

– Грозу? На небе ни облачка!

– А ты глянь на запад! Горизонт кучерявится. Ну, будь здоров, нам за работу...

Виктор направился по тенистой тропинке к спрятавшемуся в лесной зелени двухэтажному особняку, железную крышу которого и башню с часами хорошо видно со стороны Волги, если плыть на катере или яхте.

Несомненным модернизмом странного строения была башенка с механическими часами, завершающая боковую пристройку к дому – флигель, из незатенённого окна которого молчаливо взирала на широкую лужайку гипсовая

голова Лаокоона. Башенку с часами уравнивала с другого края крыши телевизионная спутниковая антенна.

Глава 2. Пробуждение музы

– Доброе утро, Виктор! Водичка сегодня тёплая?

– Доброе утро, моя дорогая Вероника! Вода тёплая и чистая, как божественная слеза, – мужчина бодро вбежал на летнюю веранду и театрально поцеловал стройную милостивую женщину. Она с ласковой улыбкой расставляла на круглом столе чашки:

– Тебе чай или кофе?

– Кофе и чизбургер!

– Сегодня ты с уловом. Сам поймал или это награда самой Афродиты? – в её ясном взгляде сияла утренняя свежесть полевых ромашек.

Виктор поднял кулан с рыбой над столом:

– Эти судачки – награда моей возлюбленной.

– Осторожнее, Виктор! Положи рыбу на лавку.

– Это же награда за твою любовь, Вероника!

– Хороша награда, с которой придётся немало потрудиться!

– Дорогая, зато истинная награда ждёт повара в потоке хвалебных восклицаний.

– Вот восклицаниями и наполню твой бокал.

– И добавь ложечку сладкого, к примеру: «Влечение к тебе неодолимо и скрашивает мне все эти дни...» – Виктор блаженно растянулся на пестром диванчике под навесом просторной веранды и стал всматриваться в акварельную лазурь неба, разлитую над кронами деревьев.

Раннее солнце настойчиво пробралось сквозь смолистую хвою сосен, подсвечивая стволы, скользнуло по веткам, вырвалось сверкающими снопами на простор лужайки и, попав на скатерть стола, разыгралось бликами на гладком фарфоре изящного чайничка. Заглянуло в чашку с дымящимся напитком и бросило туда золотую монету.

– Однако, где всё наше лесное общество? – спросил Виктор.

– Общество в последней стадии пробуждения, – ответила Вероника. – Ты пригласил гостей, которые, видимо, приехали для того, чтобы отоспаться. Это какое-то царство изнеженных тел.

– Когда-нибудь я напишу картину «Борьба изнеженных тел с гидрой сновидения».

– Нет-нет, дорогой Виктор! Эту борьбу можно отобразить только в камне!

– послышался густой бас, и на веранду вышел мужчина крепкого сложения с тугим животом. Потянувшись, он громко запел известную арию: «А-а-а- о-о... Кто-о-о может сравниться с Матильдой моей...» В широких джинсовых шортах и в белой майке с вышитым на груди цветными нитками словом «PARIS», он напоминал импозантного туриста. Не хватало дорогого фотоаппарата, но этот недостаток заменяла густая шевелюра с проседью, стриженная борода да золотой перстень с большущим чёрным камнем.

– Всем привет! – не задерживаясь на веранде, здоровяк вышел на лужайку, поднял руки и заголосил ещё громче. Казалось, он хотел поймать солнце, пробившееся через деревья.

– Bravo нашему скульптору! Осталось найти мраморную глыбу и разломать её на куски. Это и будет повергнутая гидра сновидения, – ответил Виктор.

– Виктор, дорогой! Ты прав! Тут нужна не кисть, а кувалда и железные бицепсы, – ответил толстяк, подсаживаясь к столу. – Кофе по утрам пьют лирики, а истинные громилы-гиганты каменных шедевров предпочитают сотенку граммов коньяка с лимончиком. Вероничка, наше зеленоглазое солнышко, приготовь каменотёсу двойной чизбургер с божественной улыбкой.

– Алексей Григорьевич, вы уж выбирайте что-то одно. Улыбку или чизбургер.

– Вероника, ты само очарование! Виктор, ты недооцениваешь острый ум своей супруги.

Вероника живо поддержала новую тему:

– Мужчины недооценивают женщин. Вечно носятся со своими проблемами, забывая, что именно женщины бессонными ночами растили этих неблагодарных гениев.

– На-поди, верное замечание! – пробасил Алексей Григорьевич.

– Милая моя, но именно творец так устроил мир! – продолжил Виктор.

– Да, в Библии сказано, что женщина сотворена из ребра Адама, и все мужчины зацепились за это, обосновывая своё превосходство, – горячилась Вероника, но трогательная простота не сходила с её миловидного лица.

Толстяк вновь наполнил рюмку.

– Нет, право, Вероничка, ты просто Мадонна, очищающая нашу бородатую расхристанность! Виктор, срочно напиши картину «Мадонна и два бородатых чудовища».

– Почему же два? Три, Алексей Григорьевич! Вы забыли Генри! – воскликнула Вероника.

– Эту жиденькую чеховскую бороденку ты хочешь записать в чудовища? – удивился скульптор.

– Вчера вечером Генри поглощал шашлык с яростью доисторического бронтозавра. И пообещал утром почистить кастрюли и шампура. А сам спит и в ус не дует. Это просто чудовищно! – с улыбкой произнесла женщина.

– Согласен, Вероничка, Генри – молодое чудовище.

– А вот и я! Доброе всем утро! – на веранде появился молодой человек интеллигентного вида: русые волосы с пробором, чуть выступающие скулы, аккуратная бородка, сквозь стёкла очков светились выразительные глаза пламенного пиита. Небрежно накинутая цветастая хлопчатобумажная рубашка навыпуск и яркие шорты не вязались с его внешностью. С добродушием вошедший продекламировал: «Он очутился под столбами большого дома. На крыльце с поднятой лапой, как живые, стояли львы сторожевые...»

– На-поди, Генри! Молодец! Я согласен быть львом, – толстяк с завидным аппетитом принялся за бутерброд.

– Как спалось, Генри? – спросила Вероника.

– Превосходно!

– Слава Богу!.. Умывайся и подсаживайся к столу. Будем завтракать.

– А что вы вчера говорили об Ахматовой и моем творчестве? – Генри снял очки и стал походить на Христа. Он умывался из старого медного рукомойника и рассуждал:

– Анна Ахматова, между прочим, – литературный псевдоним. В её лирике драматические жесты на первом плане. Она пишет: «Я всех на земле виноватей, кто был, и кто будет, кто есть...» А я о себе написал: «Я всех на земле влюблённей...»

– Bravo, Генри! Я напишу полотно «Генри, выпрашивающий вдохновения у медного рукомойника».

– Я польщён вашим вниманием, – сказал Генри, присоединившись к весёлой компании.

Солнце нырнуло в банку с цветами, вспыхнув там, среди цветочных стеблей, щедрым огнём радости, и блёстками рассияло вокруг – а ну очнись! – спрятавшись в неброском букетике. Затем перекинулось на стену дикого винограда, живописно вьющегося на солнечной стороне, но пробиться через зелень ажурной листвы ему не удалось. Оплетая обрешеченные окна, растение сохраняло прохладу в доме и создавало полумрак, в котором тихо дремала старинная мебель, в основном, викторианского стиля, недорогая из-за ветхости, купленная частью в провинциальном антикварном магазине, а частью привезённая из столицы. Изысканный вкус хозяина особняка чувствовался не только в интерьере. Цветник перед домом – чудесное тому подтверждение. У Клода Моне есть замечательное полотно «Уголок сада в Монжероне». Похожий оазис цветов был выращен умелым садовником и в этом месте.

Глава 3. Сценарист и действующие лица

Вскоре разговор на веранде зашёл о непривычном для России зрелище – корриде. Виктор прошедшей весной побывал со своей выставкой в Испании, посетил арену для боя быков и поделился впечатлениями об этом душераздирающем действе:

– Тореадор, убивающий ударом шпаги быка, вызвал у меня ассоциацию с художником, который пишет экспрессивно и размашисто на чёрной коже животного красным кадмием слово «смерть».

Вероника с отвращением передёрнула плечами:

– Боже мой, что творится в твоей голове, Виктор!

– Таких голов в России раз-два и обчёлся, – воскликнул Клювин.

Виктор погрузился в воспоминания об Испании. Туда он приехал с Вероникой, и они остановились в горах Михас, в тихом отеле с арабскими двориками и фонтанами. Выставка была устроена в Севилье. Удалось продать часть картин ценителям авангарда...

– Нет, что ни говорите, а на корриду я не ходила и не пойду, – говорила Вероника.

– Разъярённый бык будоражит кровь, разгоняет скуку жизни! А ты что скажешь, Генри? – рявкнул скульптор.

– Я? – рассеянно откликнулся молодой человек.

– Ну конечно же, Генри!

– Мне гораздо приятнее смотреть на звёзды, чем видеть шпаги, убивающие быка, – ответил он, перефразировав философские строчки.

– Надо брать быка за рога, дорогой Генри! Или на быке, или под копытами!

– Чему вы учите юношу, Алексей Григорьевич?

– Жизни, Вероничка! Философия – хорошо! А крепкие мышцы – необходимость! Давай-ка, Генри, устроим корриду. Я, старый бык, буду тебя – молодого – учить жизни. Разомнём мышцы. Держи тряпку! – скульптор сунул в руки Генри покрывало с кресла, и, наклонившись, толкнул молодого человека головой. – Бей по заливку! У-у!

– Достаточно ребячиться, Алексей Григорьевич, – Вероника защищала Генри. Тот, вяло держа покрывало, неловко отступил к столу.

Хмельной скульптор рассвирепел. Он дико рявкнул: «Генри! Держи быка за рога!» Генри вздрогнул и попятился. Ключин с размаху боднул поэта, врезался в стол, перевернул его, спотыкаясь, сделал ещё три шага и выбил головой боковую раму веранды. Посыпалось стекло. Вероника испуганно закричала, бросаясь к Ключину: «Вы живы, Алексей Григорьевич?»

– Живой! Жаль, трибуну разнёс в щепки! Виктор, вычти причинённый ущерб из моего будущего гонорара.

– Ах! – вновь вскрикнула Вероника. – Что с Генри? – она сердобольно склонилась над неподвижно лежащим молодым человеком. – Дышит! Слава Богу!

– На-поди! Я его чуть задел, а он, как девица монастырская, упал в обморок.

Вероника метнулась в дом и вернулась с флаконом нашатыря. Генри очнулся, и его усадили к столу. Вероника хлопотала вокруг, а скульптор добродушно подтрунивал: «Сопельки, сопельки подотри ему. Выпиши больничный, а мы его отправим на курорт. Генри, будь мужчиной, врежь по столу, да прикажи подать водки...» Вероника отмахивалась: «Вас надо бы выпороть, как непослушного ребенка».

Ключин в недоумении поднял брови:

– Виктор, защити раненого быка! Меня хотят добить милосердием!

– Собственно говоря, коррида, – усмехнулся Виктор, – это и есть моя живопись. Всё время сражаешься с образами, мечущимися в сознании.

– Это верно, дружище! Твои мозги накачаны богатырской силищей, – Ключин сжал кулаки и показал свои бицепсы.

Виктор перестал слушать. Он думал о своём: «Однако, что сегодня меня так поразило? Кукла на песке? Похожая кукла лежала на столе в московском кафе и смотрела на меня пустым взглядом. Маленькая девочка за соседним

столиком ела мороженое, болтала ногами, поглядывала в мою сторону, на распутившуюся красную розу, которую я положил рядом с собой. Был февраль. Накануне мне позвонила Тамара: «Здравствуй, Виктор! Это твоя госпожа любви. Ты в Москве? Хочу тебя увидеть. Приезжай завтра в нашу кафешку. Целую».

Что было дальше?.. Виктор второй раз заказал кофе. Тамара, наконец, позвонила ему на мобильник: «Ты давно ждешь? Я только что зашла в метро. Ой, как всегда какие-то препоны. У меня тоже мало времени. Жди меня на Павелецкой...» Виктор спускался по эскалатору с непонятным чувством беспокойства. На перроне начиналось столпотворение: забегали люди, слышались крики, вопли. В какой-то момент Виктор испугался. Эскалатор встал. Кто-то бежал вниз, кто-то пробирался вверх. Виктор услышал: «Взорвался вагон...» Милиция расталкивала толпу, появились спасатели и медики... Шум, паника! Гвалт!.. Внезапно возникшая картина была настолько сюрреалистической, что Виктор не мог её сразу осмыслить, постигнуть происходящее... Его толкали. Поднимайтесь! Наверх, живее!.. Освободите проход!»

Он ждал Тамару на перроне. Вокруг кричали: «Взрыв! Терракт!.. В каком вагоне?» Виктор смотрел на окровавленных людей, которых выносили наверх. Слышал ужасные стоны и плач. Её он увидел внезапно. Она не плакала, сидела с бледным лицом и окровавленными руками, смотрела со страхом и беспомощностью, как большая брошенная кукла. Её перевязывали. «Тамара, я здесь! Ты ранена?» Она глухо отвечала: «Я очень торопилась».

Он приехал к ней в больницу. Тамара была бледная, но спокойная и, как показалось Виктору, даже чуть-чуть радостная. Она торопливо заговорила: «Вот видишь, нам действительно встречаться больше не следует. Ты был прав, когда сказал, что наши двери давно закрыты, что между нами давно непреодолимая стена. Вот и сейчас, я её чувствую: невидимую стену между мной и тобой. Прости! Я тебя измучила. Сегодня меня предупредили небеса! Я запрыгнула в эту электричку, когда уже двери закрывались. Слава Богу, я жива...»

Сегодня утром он опять увидел куклу. К чему бы это? А прекрасная девушка в лодке!

– На-поди, он нас даже не слышит! Виктор, дорогой, да очнись наконец! Или ты как потомок дворянского сословия не желаешь разговаривать с гегемонами? Я тебе в этом случае открою тайну – мы все гомо сапиенс! В нас одни и те же бесы! Ха-ха! Извините за такой каламбур, – услышал он весёлый бас скульптора.

– Вы о чем? – Виктор огляделся. Вокруг – масса людей. Кроме Вероники, Алексея Григорьевича и Генри, за столом сидел в белой рубашке с небрежно расстёгнутым воротом совершенно лысый, с помятым небритым лицом, самодовольный и уверенный Тартищев – владелец большого отеля и нескольких ресторанов. В кресле – Анна – его жена, миловидная, полная, уже не молодая женщина в дорогом платье, похожая на утку. Густые от природы каштановые волосы подчёркивали полноту лица, а обилие золотых украшений, ярко накрашенные губы дополняли портрет не изнурённой домашним бытом

женщины, в облике которой нельзя было обнаружить признаков большого интеллекта, но и явной невеждой её никто бы не назвал.

Прислонясь к дверному косяку, с кем-то разговаривал по мобильному телефону Лёва – энергичный молодой человек, помощник Виктора: организатор всех бесконечных поездок и выставок художника. Напористый, питавший презрение ко всему, что не касалось напрямую его деятельности, он, отслужив чуть больше полугодом в Чечне и получив лёгкое ранение, поступил по протекции в столичный университет. Лёва питал фанатическую страсть к модной одежде: сейчас на нём была тёмно-зелёная рубашка «Реплей» с жёлто-зеленоватыми пуговицами, чёрные брюки «Валентино» и кожаные ботинки «Дирк Биккембергс».

Кроме перечисленных персон весёлым смехом на лужайке обозначились две девушки. В простеньких летних платьях, они беспечно раскачивались на качелях, подвешенных цепями под полукруглый железный навес с узорными стойками. Первая – Люся – приятная, коротко стриженная, с наивно-кокетливым взглядом, бойкая деревенская девушка. Когда качели взлетали очень высоко, она со смехом вскрикивала сильным грудным голосом: «Ой! Держите меня, мальчишки!» Вторая – хохотушка Мария – рыжеволосая, опрятная, располагающая к себе открытым взглядом ангела. Её смех звенел какой-то ожерельностью и чистотой. Если в поведении Люси читалась некая наигранность, то Мария была настолько проста и естественна, что любой, говорящий с ней, невольно становился мягче и добрее. Девушки жили за лесом, в селе Архангельском, и имели обязанность следить за чистотой в особняке Виктора и помогать на кухне Веронике.

На другом конце лужайки, в тени забора, копался Цицерон, садовник и сторож одновременно. Красноречием, в отличие от римского оратора, он не блистал. Кто-то, видимо, позабавился, назвав его именем исторической личности. Но он, похоже, не просто свыкся с этим вторым именем, неизвестно кем и когда ему данным, но и втайне гордился им. Со стороны могло показаться, что Цицерон глухонемой и простоватый. В действительности, это был мудрый старик, скорее не по возрасту, а по тяжёлой доле, выпавшей ему, согнувшей и сморщившей его когда-то крепкое тело, забелившей голову и затаившейся глухой отрешённостью в тёмной обводине глаз. Он никогда ни с кем не делился сокровенным, говорил односложно, предпочитая молча созерцать жизнь. Не терпел он одного – хамства. Всех, кроме Дашки, считал жуликами и грабителями. Дашка – старая полукровка-овчарка с угрюмым собачьим взглядом – жила с ним круглогодично в этом лесном уединении и сторожила дом. Лишь на Цицерона она смотрела ласково, одобряя его молчание. На том они и сошлись: оба видели смысл оставшейся жизни в бессловесном служении хозяину, сохраняя собственное достоинство и принципы, готовые показать зубы любому, попытавшемуся разрушить их устои.

– А?.. – очнулся от своих мыслей Виктор.

– Он весь ушёл в себя. Я к этому давно привыкла, – сказала Вероника.

– Виктор, мы толкуем о твоём улове. Не вызвать ли из ресторана моего лучшего повара, – предложил Тартищев.

– Думается мне, дорогой Виктор, утром ты поймал золотую рыбку и обдумываешь желание, – прогремел низким голосом Алексей Григорьевич.

– Вот-вот! Признавайся, дорогой! – воскликнула Вероника.

– Собственно говоря, все мои желания связаны с моим творчеством. Что ж! Моё желание – закончить новую картину. Она будет называться «Лицо Вселенной», – Виктор осмотрел всех каким-то параноическим взглядом. – Сейчас же удаляюсь в свою келью и берусь за кисть.

Клювин встал, поводя плечами, словно разминаясь перед боксерским раундом:

– На-поди, Виктор! Это звучит гениально! Для получения порции вдохновения пойду-ка я прогуляюсь по лесу.

– Я с вами, Алексей Григорьевич, – поднялся Генри.

Вскоре на веранде наступила тишина. Во дворе скрипели пустые неуспокоенные качели. Солнце, просачиваясь через ажурную стену виноградника, выкропляло дощатый пол веранды, стол, стулья и гобелен приземистого кресла золотистыми пятнами, недвижимыми на первый взгляд, но меняющими места время от времени. Начатый день – а где его начало? – искусно раскрашивал землю яркой зеленью, всё резче выписывая границы света и тени, собирая на лужайке золотые скирды солнечных лучей. Стрелки часов на башенке смыкались, показывая без четверти девять.

Глава 4. Исключение реальности и власть музыки

Первые мазки краски легли на белый холст. Поток мыслей художника и теснящиеся в голове образы невидимо переходили на полотно, и Виктор как бы вылеплял их, кистью придавая видимую форму. Поразительные перемены происходят в человеке, занятом творчеством. Он становится не просто красив, а божественно прекрасен: налет суетливости и спесь исчезают.

В этот час Виктор не видел работу другого мастера – Природы! Она вдохновенно трудилась над небесным полотном. Край горизонта на юго-западе густо замазала белилами, выписывая нагромождения кучевых облаков, а затем широкой кистью принялась писать дождевые тучи, не жалея ультрамарина. Два художника будто соревновались друг с другом в мастерстве и фантазии.

Часы на башенке пробили два часа пополудни. Вокруг потемнело, стало тихо, пасмурно, птица метнулась к воде, и первый гром, ещё хрипло и невнятно, издали – из-за реки – погрозил: доберусь и до вас! И замолк, слушая обрывистую хрупь далёкого эха. Воздух посвежел, а следом порывистый ветер наполнил пространство тревожными приходами природы, слабым шумом. Синие тучи напоззли с запада, притащив за собой лохмотья воздушно-водяной массы. Тени ложились на землю, растекались кляксами, смешиваясь с поникшей травой. Туча вошла в тучу, содрогаясь в муках, небо блеснуло зарницами, рассыпая изумруды и яхонты из небесного тайника.

Где-то сверкнула свинцовая молния, капнуло раз-два, и следом крупные капли дождя забарабанили по крыше, зашумели в листве и траве. Вспышка – и

тут же оглушительный гром, почти над головой: ударили небесные литавры, покатались гружённые громами телеги... Хлынул ливень! Вода шумным потоком обрушилась из разверзнутых небес. Началась гроза!

Стихия в сумасшедшей пляске понеслась над миром под гул и раскаты грома, заполняя пространство слитным оглушающим рёвом и содроганьем. Бурей и воем! Бушующий ветер ломал ветви, клонил сосны, выворачивал слабые корявины, нещадно хлестал струями как плеткой. Частые молнии вылетали из громоносных чёрных туч, мгновенно расползались вокруг змеями, пугая всё живое. Невидимый громовержец в кого-то метил свой удар, и гневу его, казалось, не было конца. Будто гигантский бык с огненными рогами до неба терзал и вытаптывал землю... И страшно! и удивительно видеть человеческому глазу исполинскую мощь яростной стихии.

В гостиной за большим столом сидело почти всё лесное общество, кроме Виктора и Цицерона. Виктор был ещё в мастерской, а садовник – в своей сторожке; небольшой пятистенный сруб стоял шагах в пятидесяти, в глубине сада, слева от особняка. Там же была сложена ладная банька, рядом – сарай с курятником: дюжина кур и петух скрашивали однообразие жизни Цицерона. Начало обеда совпало с началом грозы. Трапезничали молча. Оживились все лишь к концу застолья, когда стихия стала умираться: гроза уходила на юго-восток, горизонт на западе просветлел, но дождь продолжался.

– Такой грозы я в жизни не видела. Небесный содом и гоморра. У меня сердце в пятки ушло, – испуганно произнесла Вероника.

– Зевс сегодня страшен в гневе, – ответил скульптор. – Мы как будто оказались посреди сражения.

– Звучал булат, картечь визжала... – восторженно продекламировал Генри.

– Ах! Это ужасно! У меня разболелась голова, – разохалась Анна.

– Как устояла крыша? Ветер рвал всё вокруг, – удивлялся Тартищев.

– Слава Богу! Гроза закончилась и молний нет, – с облегчением вздохнула Вероника.

– А мне показалось, что одна молния попала в дерево, – Генри привстал из-за стола и указал на окно. – В той стороне я видел вспышку и огонь.

– Я, кажется, тоже видела, – подтвердила Анна.

– Однако дождь ещё льёт, – продолжила Вероника.

– Каков ни будь грозен день, а вечер-то настанет, – ответил Клювин. – Лёва, что ты всё маешься с мобильником?

– Странное дело – уровень сигнала на нуле! – Лёва в недоумении нажимал на кнопки мобильного телефона. – Батарея заряжена. В обед я разговаривал с Москвой. Может быть, из-за грозы вышли из строя передатчики у оператора связи.

Тартищев потряс указательным пальцем, будто дирижировал:

– Это происходит из-за электрических разрядов в воздухе. – Он достал свой мобильник и попытался позвонить. – Нет сигнала. Что я говорил!

– Виктор, дорогой! Ты спустился с небес на грешную землю? – радостно воскликнул Клювин.

Все повернулись к лестнице, по которой устало и отрешённо спускался Виктор. Он подошёл к столу и буквально рухнул на стул. Лицо его ещё было одухотворено работой, но сильная усталость и даже истощение читались в нём. Он посмотрел на всех с утомлённой улыбкой и сказал:

– Была страшная гроза... на моем полотне.

– Виктор, молодец! Генри, выдай ему порцию из классики! – Клювин похлопал художника по плечу.

– Лишь я, таинственный певец, на берег выброшен грозой, – продекламировал Генри.

– Виктор, тебя ждёт холодная водка и остывшая уха. А мы ждём картины, – сказал Тартищев.

– Картина завершена. Я испытал фантастическое вдохновение! Буря и гроза были со мной едины.

– Мы в нетерпении! Можно посмотреть? – спросила Вероника.

– Конечно! Поднимайтесь в мастерскую.

– Господа! Позвольте мне первому принять удар потрясения от нового творения мастера, – скульптор двинулся по лестнице на второй этаж. Следом поспешили остальные.

Вдоль светлой высокой стены круглой просторной комнаты до самого потолка стояли изящные мраморные колонны, между которыми были вмонтированы гипсовые рельефы на мифологические сюжеты. В центре зала – широкое полотно, укреплённое на мольберте, смотрело в сторону высокого окна. Живо записанное, оно как бы отворачивалось от вошедшего зрителя, словно юная девственница от навязчивого незнакомца. На сером полу у ножек мольберта лежали банки с масляной краской, коробка с тюбиками, бутылки с растворителями. На небольшом зелёном столике – палитра, кисти, пузырьки, выжатые тюбики, тряпки и мастихины. Густой специфический запах масляных художественных красок и лаков наполнял комнату неизведанной таинственностью. Здесь каждая вещь была значимой и неотторжимой от всего интерьера: и лёгкие стеллажи с толстыми альбомами репродукций картин известных живописцев, и банки с кистями, и прислонённые к стенам рамы, подрамники, холсты, этюды, и одинокое бордовое «кресло-жаба» на коротких ножках. На подоконнике стояла пыльная гипсовая голова Лаокоона, повёрнутая в отуманенную стеклину высокого окна, за которым лил дождь с грязно-молочного неба. Он стучал по стеклу и оцинкованному подоконнику, просясь к зрителям из зыбистой сыри: дайте взглянуть, дайте взглянуть!

Никто не нарушал тишину загадочной комнаты, разглядывая полотно, пытаясь поймать неводом разума неуловимый замысел мастера. И полотно отзывалось зрителю, приглашало войти в его мир, окунуться в его тайну. Оно теперь жило независимо от художника, выстраивая вокруг себя своё пространство: сейчас – это мастерская с первыми зрителями, завтра, возможно, – светлая галерея с множеством посетителей, а в будущем – тихая комната богатого коллекционера или сырой запасник музея, или... Судьба картины, как и человека, неизвестна простому смертному. Возможно, её ждёт долгая жизнь,

восторженные восклицания и трепетное дыхание реставраторов, как судьба картин Тинторетто и Рафаэля, или её используют для подстилки в прихожей, как многие картины Поля Гогена, не ведая об их ценности. Художественное полотно тем и отличается от фотографии, что вместе с краской художник оставляет на холсте часть своей души: любовь, вдохновение, мысли и переживания.

– Это шедевр! – оглушил комнату густым басом Клювин, поглаживая бороду. И все облегчённо вздохнули, зашевелились, будто последовала команда: «Вольно!» Этим оживлением все словно согласились с точно найденной характеристикой увиденного. Картина поражала зрителя живостью пластических форм, завораживала загадочностью образов. Большая птица с женской головой в центре композиции летела-парила в сверкающем пространстве, пронизанном лучами и молниями. Глубина этого пространства была столь ощутима, что казалось – зритель стоит на краю космической бездны, куда уносится ветер, развевающий длинные волосы девушки-птицы. Невообразимо легко написано лицо незнакомки: лицо богини-победительницы. Живое, оно притягивало и пугало одновременно. С трудом оторвав взгляд от летящей богини, взволнованные зрители тут же видели множество парящих обнажённых девушек с головами птиц, причём они не просто парили, а летали вокруг главной птицы, то ли оберегая её, то ли прося внимания. Где-то в самой глубине просматривалась туманность, в которой двигалось странное фаллическое образование в форме переплетающихся тел. В картине присутствовала иллюзия движения: стоило перевести взгляд с центра композиции и казалось, что девушка-птица в это время взмахивает крыльями.

Тартищев сделал долгую затяжку сигаретой и, выпуская дым в полотно, авторитетно произнёс:

– Летящие дамочки шокируют!

– Лицо Вселенной открывало печаль таинственного дня, – сентенциозно воскликнул Генри. – В картине поэзия, музыка и философия соединены краской. Грандиозно!

– На-поди, Виктор, дорогой! Поздравляю!.. Но как живописно! – Клювин подошёл к Виктору и стал энергично трясти его руку. – Это лучшая твоя вещь! Поверь мне.

– А меня пугает выражение лица летящей девушки-птицы! – Вероника сцепила пальцы и нервно их сжала.

– Вероничка, солнышко, произведение должно вызывать бурю чувств!

– Картина украсит любой богатый интерьер, – сказала Анна.

– Виктор, её надо обязательно выставить в Европе, – говорил Лёва, пытаясь куда-то дозвониться.

Лицо мастера повеселело.

– Да! Картина удалась, – Виктор подошёл к картине. – Да-да, это она, – пробормотал он.

– Надо поднять бокал вина за мастера. Все к столу! – проревел Клювин. – Кто может сравниться с Виктором моим, – весело горланил он, уводя всех за собой по крутой деревянной лестнице с резными перилами.

Обед продолжался в оживлённой беседе. Говорили о картине Виктора, о птицах, вспоминая самых экзотических, конечно, о женской красоте и о погоде. Не проявляла интереса к теме лишь Вероника. Она сидела задумчивая и напряжённая. Лёва периодически доставал свой мобильный телефон и с непонятным упорством пытался звонить. Когда Мария с Люсей подали чай, дождь уже прекратился...

Генри с Клювиным отправились в лес искать сожжённую молнией сосну. Виктор опять поднялся в мастерскую. Остальные расположились на диванах. Тартищев попросил Веронику помузицировать на фортепиано, и она с какой-то поспешностью села к инструменту...

Генри и Клювин шли по мокрой лесной дороге и о чём-то громко спорили. Лес, сырой и хмурый, глушил человеческие голоса, прислушиваясь к собственному дыханию. С веток скапывала дождевая вода, будто деревья в молчаливом страдании плакали, не прося и не желая утешения, решив тихо выплакать все слёзы раз и навсегда. Далеко разносился голос Клювина:

– Нет, Генри, дорогой, что ни говори, а историю делают личности.

– Я согласен с этим, Алексей Григорьевич, но личностей порождает сама история, – сдержанно отвечал Генри.

Они вышли к опушке, за которой начинались сельские поля, и увидели на краю старую сосну, одиноко чернеющую безверхим дымящимся рогалем ствола. Молния, видимо, ударила по центру кроны, снесла верхушку, мгновенно сжигая её, и обуглила расщепленный ствол, оставив несколько корявых веток и сучков. На верхней ветке сидел чёрный ворон, как сторожевой, и следил за людьми, пытавшимися подойти к сожжённому дереву, но сделать это двум бородатым незнакомцам не удавалось. Они странно махали руками, ощупывали воздух, как слепые, и застывали в невероятных позах с вытянутыми руками.

– Что за чёрт, Генри! Неужели я так пьян, что застреваю в воздухе? – удивлённо басил толстый бородач. Он стоял, наклонившись, и упирался руками в невидимое препятствие.

Генри рассмеялся, глядя на невероятную позу скульптора, подошёл поближе, но сам упёрся во что-то невидимое. Смех сменился нервными восклицаниями, и молодой человек застыл рядом с Клювиным.

– На-поди, Генри, ты и сам влип в историю, – посмеялся над другом скульптор. – А я-то решил, что у меня началась белая горячка!

– Какая-то аномалия в этом месте. Сгущение пространства! – Генри ощупывал невидимое препятствие.

– Вот и я думаю, не спятили мы часом?

– Это из-за грозы произошло необычное явление в природе. Надо обследовать местность.

– Ты меня успокоил, Генри. Чертовщина какая-то! Иди-ка вправо, а я – влево, – Клювин медленно двинулся с вытянутыми руками, оглаживая ладонями воздух, словно штукатур, выравнивающий стену. Генри пошёл в другую сторону, тыча пальцем в пустоту. Невидимая плотность не кончалась, и мужчины

вернулись к тропинке. Пройдя лесом километра два, они и там обнаружили препятствие.

– Похоже, невидимая стена образовалась после грозы, – сказал озадаченно Генри.

– Стена?! Нам же не мерещится это, Генри? Э-э-гэ-гэ... Стена!

– Стена-а, – ответило эхо.

– Стена поворачивает к реке. Пойдём вдоль неё, и всё станет ясно.

– Генри, что станет ясно?

– У меня дурное предчувствие. Мне кажется, что мы внутри невидимой стены.

– Ха-ха!.. Ты хочешь сказать, что нас кто-то взял в плен? Потрясающе!

Они вышли на обрывистый берег, спустились по сыпучему склону: невидимая стена шла вдоль воды, уходила в реку и заворачивала по дуге опять в лес. Пройдя ещё километра полтора, они вернулись к обгоревшей сосне, грозно торчащей на невидимой границе. Чёрной птицы уже не было. Наступали сумерки и сгущали малиновые силуэты села и синь перелесков. Люди стояли в полной растерянности и глядели друг на друга.

– Ты прав, чёрт возьми, Генри! Мы окружены!.. Что скажешь?

– Сижу за решёткой в темнице сырой, вскормлённый в неволе орёл молодой...

– Ты-то орёл молодой, а я – с бородой. Утро вечера мудренее. Думаю, к завтраку стена рассосётся вместе с сегодняшним похмельем! Это из-за чудовищной грозы! Сгущение атмосферы! Генри, скорее обрадуем наше сонное общество, заодно примем сотенку граммов для успокоения нервишек...

Когда они, усталые, мокрые и грязные, подошли к серому от дождя особняку, часы на башенке бронзовыми зыками отбили десять часов вечера. Сумрак смешивался с сыростью, и близкая ночь уже пряталась в лесной чаще. Стена, обнаруженная людьми, не оказывала темноте никакого препятствия.

– Стена-а, – отзывалась в ночной мгле стена тёмного леса.

Глава 5. Поцелуй стены

– Боже мой, мученики наши! Мы уж собирались вас искать! – воскликнула Вероника.

– Они выкорчёвывали сосны, поваленные грозой, – весело предположил Тартищев.

– А у нас не показывает телевизор. Лёва залезал на крышу, спутниковая антенна повалена, но провода не оборваны. Он поправил. Всё равно телевизор не ловит ни один канал! – с недоумением произнесла Вероника.

Лёва живо подтвердил:

– Ни один канал не принимает сигнал! Странно... Приёмники в машинах тоже шипят. Телефоны молчат! Мы будто отрезаны от мира. Ничего не понимаю, гроза давно прошла.

– Где Виктор? – спросил Клювин, поспешно наливая себе большую рюмку коньяка. – В мастерской? Позовите его. Мы вам расскажем о чертовщине,

случившейся со всеми нами. Вероничка, солнышко, Анна, предупреждаю заранее – это не для слабонервных!

– Что, Алексей, городская телебашня повалилась? – спросил с улыбкой Тартищев.

– Генри, рассказывай, мне они не поверят, – Клювин уселся на диван, когда Виктор спустился в зал.

– Лицо Вселенной открывало печаль таинственного дня, гроза стеной отгородила мир искушений от меня, – с чувством прочитал молодой человек, загадочно оглядывая присутствующих. – Ну что? Впечатляет мой экспромт?

Тартищев закурил сигарету:

– Генри, давай без выкрутасов.

– Хорошо. Мы окружены!

– Кем? – почти в один голос вскрикнули Вероника и Анна.

– Не кем, а чем! – ответил Генри.

– Ну, чем-чем? – с нетерпением вмешался Лёва.

– Стеной!

– Стеной?! – подхватили присутствовавшие в зале.

– Стеной, чёрт возьми! Мы с Генри ощупали её всю! Она вокруг нас! Невидимая! От опушки – на востоке до косогора – на западе, от оврага – на севере до орешника – на юге. Чертовщина какая-то! – Клювин бил себя кулаками по коленям и сердито смотрел на каждого, будто именно он и повинен в случившемся.

Вероника возмущённо воскликнула:

– Вы глупо шутите, Алексей Григорьевич!

Клювин, хмурясь, ответил:

– Изящней шутки не придумаешь.

– Алексей, ты не перебрал сегодня лишнего? – ухмыльнулся Тартищев.

– Я думал вас обрадовать, а вы сомневаетесь в нашей искренности. Генри не будет шутить! – пробасил скульптор.

– Может, у вас крыша двинулась. Или глюки полезли? – покрутил пальцами у виска Лёва.

– Лёва! Ты же сам удивлён, что нет никакой связи с внешним миром. Почему?

– Почему? Нас отгородила стена, – горячился Генри. – Понимаете, стена-а!

– Этого не может быть! – махнул рукой Тартищев.

– Когда была гроза и я писал картину, у меня появилось странное ощущение, – задумчиво произнёс Виктор. – Я физически почувствовал, будто пространство вокруг уменьшилось. Ты говоришь, Генри, вокруг нас стена?

– Стена! Невидимая. Близ неё воздух плотный. Тяжело дышать.

– Странно. В молодости цыганка мне нагадала, что меня в будущем ждёт любовь, слава и стена синего солнца.

– Стена синего солнца! – воскликнул изумлённый Генри. – Красиво, странно и страшно. Я напишу поэму с таким названием, если ты, Виктор, не возражаешь.

– Собственно говоря, любовь и слава меня уже вознесли на золотых крыльях к вершине Олимпа. Можешь начинать свою поэму, которая, возможно, принесёт и тебе любовь и славу. Но стоит ли торопиться, мой друг? Поднявшись над миром, ты будешь уязвим для стрел лицемерия, коварства и лжи, которые погубили сонм мечтателей и гениев, – Виктор как-то тяжело вздохнул и о чём-то задумался.

– Отличный тост! Выпьем за любовь, славу и стену синего солнца! – оживился скульптор.

– У меня с утра на душе тревожно, – сказала Вероника. – Что нам делать?

– Ждать утра, – уверенно ответил Ключин. – Завтра организуем осаду Измаила. Я готов взвалить на себя бремя полководца Суворова, если у меня будет крепкий конь с хорошим седлом и позолоченными стременами.

– Чушь собачья! Я не верю! Проеду по дороге до села. Кто со мной? – Лёва вопросительно посмотрел вокруг.

– Темно уже, – попробовала отговорить его Вероника.

– Езжай, Лёва! Проверь. Вдруг у нас от излишка озона в воздухе и градусов в организме видение произошло, – махнул рукой Ключин, наливая себе полную рюмку. – Если нет стены – с меня ящик коньяка. И всё же притормози на краю леса.

Лёва решительно встал с дивана:

– Нет вопросов! Живи свободно!

– Не торопись, ковбой! Вместе поедем, – поднялся и Тартищев. – А лучше на моём джипе.

– Не нравится мне твой тупоносый «Гелендваген». Настоящий ковбой предпочитает «БМВ» цвета сафари, – ответил Лёва.

Цицерон открыл им ворота, несколько не удивившись поздней поездке. Они выехали из гаража и, пробуксовывая, исчезли в ночном лесу. Свет фар выхватывал шершавые стволы сосен, пробивал плотную темноту кустов, рисуя одноцветную картину ночи. Мокрые листья блестели и фосфоресцировали в потоке света, будто обсаженные сверчками. Лёва опустил стёкла в машине и с криком и улюлюканьем помчался по дороге. Шум движущегося автомобиля и крики Лёвы создавали впечатление бегущего в темноте разъярённого механического чудовища, рычащего на поворотах и подъёмах. Тартищеву, может, и не нравилась возбуждённая экспрессия водителя, но он не подавал вида, лишь вглядывался в темноту и жадно курил. Лес стал редеть, и внезапная пустота-чернота впереди проглотила свет фар, не отражая и не пропуская его вглубь.

– Тормози! – крикнул Тартищев. Лёва мгновенно нажал на педаль, но мокрая дорога не создала нужного трения, и машина юзом поскользился вперед, разворачиваясь и теряя управление. Правой фарой и крылом она врезалась в невидимую преграду, рассыпая осколки стекла и корёжа металл. Тартищев ударился головой о лобовое стекло и потерял сознание. Лёву, упёршегося в рычаги и руль, развернуло и ударило в плечо Тартищева. Двигатель заглох.

Одноглазое механическое чудовище прошипело задним колесом и затихло. Лёва удивлённо огляделся, сжимая одной рукой колено, а второй ощупывая грудь.

– Вляпались, дьявол небесный! Гадина! – Лёва истерично бил рукой по рулю. Покорёженное чудовище натужно взвизгивало и вздрагивало. Лёва замер, всматриваясь в темноту, потом повернулся к Тартищеву, откинул его на спинку сиденья и долго осматривал окровавленную голову.

– Тартищев! – Лёва похлопал его по щекам и, услышав стон раненого, облегчённо вздохнул, – жив, дьявол небесный!

Лёва выбрался из машины, сделал шаг и наткнулся на невидимую преграду. Он изумлённо принялся ощупывать невидимую стену. Сквозь неё был виден тёмный горизонт, но свет фары, войдя в стену, обрывался, будто отрезанный ножом. Пройдя шагов тридцать вдоль стены и осознав её реальность, Лёва вернулся в машину и какое-то время сидел неподвижно, затем попробовал завести двигатель. Он на удивление легко завёлся, и Лёва, яростно давя на газ, развернул машину и поехал обратно. Машину уводило вправо из-за пробитого колеса, и водитель ругался, резко выворачивая руль. Внезапно затормозив, он достал автомобильную аптечку, вынул бинт и вату, вытер кровь на лице Тартищева и перемотал наспех его голову: рана на лбу кровоточила.

– Слышишь, Тартищев, нас шибанула стена. Слышишь? Стена существует! Откуда она взялась?

– Я живой, Лёва? – не открывая глаз, медленно и глухо спросил Тартищев.

– Живой-живой! Лысина твоя капитально пострадала... Из-за этой дьявольской стены. Она реально существует! – Лёва медленно поехал дальше, удивлённо повторяя одно и то же. – Стена реально существует... Стена реально существует.

Цицерон нехотя открыл ворота, пропуская одноглазое механическое чудовище. Запирая на замок железные узорчатые створы ворот, Цицерон сказал, глядя на крутившуюся рядом Дашку: «По ночам разъезжают только жулики и грабители». На веранде засуетились и бросились к машине. Анна вскрикнула, глянув на окровавленные бинты на голове супруга, и упала бы без чувств, если бы не Клювин.

– Шрамы украшают мужчину, – рявкнул скульптор, подхватывая Анну. – Тартищев, не притворяйся тяжелораненым. Орденом мужества тебя никто не наградит! Молодежь, вытаскивайте героя из боевой машины!

– Я боюсь крови! – театрально-испуганно вскрикнула Люся.

– Бедняга! – Мария осмотрела бледное лицо Тартищева.

– Помогите мне, – Вероника обхватила раненого за грудь.

Генри и девушки вытащили Тартищева из машины и повели в дом. За ними последовал Клювин, придерживая охающую Анну. Лёва замыкал шествие. Виктор принялся осматривать и ощупывать разбитую машину, будто археолог, откопавший останки вымершей птицы Дро. Закончив осмотр, Виктор посмотрел в чёрную глубь леса и воскликнул: «Поцелуй стены!» И темнота отозвалась: «Тены-ы-ы...» Виктор, вздрогнув, испугался эха ночной тишины, застывшей в мокрых деревьях тёмными силуэтами. Он глянул в небо: безлунное звёздное

полотно неприветливо мерцало в вышине. Звёзды, как замёрзшие слёзы Вселенной, рассыпались печальным узором по небесному покрывалу. Виктор нервно поёжился и поспешил в дом...

Переполох был в полном разгаре. Анна, обхватив ладонями свои полные щеки, ахала возле лежащего на диване Тартищева. Тот жадно курил и пытался успокоить её односложными фразами. Мария и Люся бегали по дому, выполняя указания Вероники. Та готовилась к небольшой операции: рану на голове Тартищева необходимо было зашить. Виктор с укоризной посмотрел на Лёву и выговорил ему за неосторожное вождение. Клювин присоединился к Виктору, напомнив о своём предупреждении. Лёва, оправдываясь, приводил множество доводов. Словесная перепалка прекратилась, когда Лёва, кипящая, выкрикнул: «Стена реально существует! Что ещё объяснять?» Но через минуту всё началось сначала. Очередные стоны окровавленного Тартищева возвращали людей к действительности, и они вновь и вновь укоряли Лёву в том, что именно об осторожности его и предупреждали, и что Фомой неверующим быть не следовало. Генри, рассеянно усевшись в ногах у раненого, зачем-то похлопал того по коленке, как бы говоря: «Потерпи чуть-чуть, священник будет с минуты на минуту». Анна, застыв на мгновение, туманными глазами посмотрела на Генри.

Наконец, всё было готово к зашиванию повреждённой головы Тартищева, и Вероника призвала всех замолчать и отойти от дивана, а лучше вовсе удалиться. Тартищеву подали стакан водки. Вероника перекрестилась, глубоко вздохнула, промыла рану спиртом, взяла иглу с шёлковой ниткой и сосредоточенно принялась за дело. Она водила иглой, как будто вышивала тонкий узор, – так могло показаться со стороны, если бы не стоны травмированного.

Часы на башенке пробили полночь, когда Вероника устало отошла от «зашитого» и заново перевязанного хмельного Тартищева. Он осоловело глянул на присутствующих, полусонно пробормотал слова благодарности и погрузился в тревожную дрему. Анна присела рядом и взяла его руку в свои ладони. Вероника увела остальных на кухню, присела на стул и попросила стакан сладкого чая. Все молча разместились вокруг. Вероника обвела их взглядом и сказала с улыбкой: «Будет жить наш Тартищев».

– Вероничка, солнышко, ты не только облагораживаешь нашу расхристанность, но и зашиваешь бездарность нашей плоти, – оживился Клювин, наливая в рюмку водки и закусывая солёным огурцом и салатом.

– А вы, Алексей Григорьевич, ненаеда какой-то! – ласково ответила она.

– Да, Вероничка, есть грех, каюсь. Теперь в заточении, может быть, и похудеть придётся. Стена, однако ж, вокруг нас. Да и выпивки маловато.

– А вы не пресыщайтесь хлебом-то – не пожелаете и вина. Так говорится в Святых Писаниях.

– Твоими божественными устами, Вероничка, да мед пить! – вздохнул Клювин.

– Я думал, что вы разыгрываете нас. А стена дала о себе знать довольно быстро, – произнёс Виктор.

– Факт! Реально дала знать! Машина разбитая у дома стоит, – оправдывающимся тоном ответил Лёва. – Очень дорогая. Я за неё тридцать пять тысяч баксов отдал. На такой даже в Америке престижно ездить.

– Причём тут твоя железяка, Лёва! Человек полуживой в доме! – возмущённо воскликнула Вероника.

– Лицо Вселенной открывало печаль таинственного дня, – тихо сказал Генри, глядя на Виктора. Все посмотрели на него вопросительно.

– Я понял твой намек, Генри. Ты хочешь сказать, что моя картина как-то связана со стеной? Безусловно! Но я лишь мирской художник, и отобразил замысел другого мастера – творца! – рисующего по своему умозрению нашу жизнь. Всё в этом мире связано незримыми нитями, не поддающимися логике обычного мышления. Ты, Генри, – поэт, и это прекрасно понимаешь. Пора спать, друзья. Нынешний день как сюрреальное полотно на башне времени. Необходимо это осмыслить.

– Отличная идея, дорогой Виктор! Бороться со сном бессмысленно, как и с голодом... Вы переваривайте мысли, а я – ужин и спиртное, – поддержал Клювин.

– Какой сон? Надо что-то предпринять! – горячился Лёва, разминая пальцами небритые острые скулы.

– Ты уже предпринял, Лёва, наезд на стену! Хватит на сегодня.

– Утро вечера мудренее, – с надеждой в усталом голосе сказала Вероника.

– Подождём утра, – Клювин сладко зевнул и первым отправился на покой.

Вскоре свет во всём доме был потушен, и лишь созвездия пытались осветить холодным мерцанием ночной мрак Земли. Луна же сейчас куда-то спряталась. Поэтому такая ночь. Тёмная! Тё-ёмная-ая-я...

Глава 6. Новая композиция с прежними персонажами

Виктор до самого рассвета сидел в бордовом кресле по соседству с безмолвной головой Лаокоона, впадая время от времени в дремоту. Душевное смятение, вызванное утренним наваждением, созданным полотном и образовавшейся стеной, не давало сознанию уступить место крепкому сну. На осмысление всего этого была потрачена ночь, но никаких ясных идей так и не появилось. Виктор никак не мог увязать всё в единое целое: девушка, картина и стена... девушка, картина и стена. По отдельности всему было объяснение: девушка – наваждение, плод фантазии, мечта в сюрреалистическом восприятии, картина – удачная работа, плод вдохновения, эффект сублимации, вызванный девушкой в лодке. Стена – невероятное явление природы, плод человеческого комплекса одиночества и электрических атмосферных процессов. Виктор по своему жизненному опыту знал, что ничего вокруг просто так, без смысла, не происходит. Но афоризм, что «всё, что ни происходит – к лучшему», он не принимал как догму, и поэтому отчаянно искал тайный умысел. Казалось, что найдена та нить Ариадны, по которой возможно добраться до истины, но сознание отуманивалось дремотой и приходилось начинать поиски сначала. Когда суматошная ночь сменилась прозрачной зарёй, Виктор погрузился в тревожный сон и очнулся с лучами солнца. Ночные переживания, будоражившие мозг, немного улеглись. Виктор поднялся с кресла и, потягиваясь и разминая

мышцы, спустился в зал, где уже собралось всё лесное общество, за исключением ещё спящего Генри и девушек, готовящих на кухне завтрак.

– Явление Виктора народу, – пробасил скульптор с ироничной гримасой. Он один казался бодрым. – А мы, дорогой Виктор, уж четверть часа боремся с гидрой скуки и ждём подкрепления.

– Не уверен, что смогу помочь. Такому бородатому богатырю, как наш Алексей, нужен в подмогу не иначе как Илья Муромец.

– Виктор, дорогой, кусочек балыка и сотенка граммов коньяка – вот наше подкрепление!

– Алексей Григорьевич, сегодня не до шуток. Вы забыли о стене?

– Вероничка, солнышко! Мы все живем за стенами! Да-да! За стенами собственных иллюзий и комплексов. Одной стеной больше! Одной меньше! Ерунда!

– Алексей, да ты философ! – Виктор посмотрел на скульптора.

– А может, стены уже нет, – произнесла Анна, сочувственно глядя на забинтованного Тартищева. Тот жадно курил сигарету и болезненно морщил лицо:

– Хотелось бы верить, хотя я эту стену, собственно, и не видел. Лёва, ты, может быть, врезался в сосну? Я ничего не помню.

– Верь не верь, а мобильник не работает, – нервно ответил Лёва, постукивая пальцами по столу.

– Давайте позавтракаем и вместе проверим, что в действительности вокруг нас, – предложила Вероника, расставляя на столе приборы...

Лес приветливым птичьим разноголосьем и успокаивающим шумом деревьев встретил людей, молчаливо идущих по ещё влажной дороге к опушке. Никто не хотел в одиночку обнаружить непонятное препятствие, шли вместе, опасливо поглядывая по сторонам. Даже толстяк Клювин был молчалив, и лишь раз, взбираясь на мокрый взгорок, не отымая ног от скользкой земли, рывкнул: «Там на неведомых дорожках следы невиданных зверей!» – вызвав внезапный испуг и дрожь у женщин. Выйдя к опушке, люди остановились, а несколько ворон взлетели с сожжённой сосны, надсадно и занозисто каркая, улетаая в сторону скрытого дымкой села. Впереди шёл Виктор и первым почувствовал твёрдость пустоты, и всё, что до этого казалось несущественным, случайным недоразумением, пустым разговором, умствованием и жуткой шуткой, в конце концов, стало явью, дикой реальностью – стеной, внутри которой идёт иной отсчёт времени. Это внезапное понимание поразило каждого в большей или меньшей степени, и какая-то сонная одурь слетела с теплившейся надежды о неизменности окружающего бытия.

С таким осознанием действительности все двинулись вдоль стены по росной траве, не замечая и не ощущая ничего, кроме стены.

– Дьявол небесный! Вот подфартило! На кой чёрт нам эта стена! – восклицал Лёва, держа перед собой в руке мобильный телефон и вращая им по замысловатой траектории.

– Наш Данко выведет заблудших из тьмы мироздания! Выше факел, Лёва!
– пытался шутить Клювин, но никто не поддержал скульптора, и он стал тихо напевать: «А нам всё равно, а нам всё равно, хоть боимся мы волка и сову. Дело есть у нас в самый жуткий час...»

– Какие же у вас дела, Алексей Григорьевич, в этот-то жуткий час? – наконец заговорила Вероника, утомлённая ходьбой в лесной чаще.

– Вероничка, солнышко! У скульптора одно дело – ваять! ваять! ваять! А в промежутке для вдохновения принять на растерзанную грудь сотенку граммов.

– Алексей, в нашем случае уместно другое – ломать! ломать! и ломать! Эту странную стену, – крикнул, оглядываясь, Виктор. – Дамы, осторожнее, здесь большой муравейник... А здесь – замшелый прямок... Рекомендую обходить коряги...

– Виктор, дорогой, что тут ломать, кроме сучьев и веток? Невидимку? Эфемер? Это не по моей части.

Пройдя несколько километров, уставшие люди возвратились к обгоревшей сосне, на верхушке которой, по ту сторону стены, сидел ворон и, помаргивая, смотрел на угрюмый народ. Один Генри, казалось, неумоимо и истово ощупывая каждый сантиметр необычного пространства, был возбуждён. Он с восторгом задирает голову и всматривался в высь, где чёрными точками по свежей голубизне неба двигались птицы. Анна не отходила от молодого человека и внимательно следила за всеми его действиями, периодически спрашивая: «Ты думаешь, Генри, мы найдём выход? Генри, ты считаешь, это опасно для нас?»

– Очевидное не нуждается в доказательстве, – сказал Генри, когда измученные люди остановились, молча рассматривая ворона. – Нас окружил неведомый ваятель стеной неодолимых грёз!..

– Генри, не поэтизируй страшную реальность. Мужчины, что нам делать? – нетерпеливо спросила Вероника.

– Милая, от нас сейчас ничего не зависит. Предлагаю вернуться в дом и осмыслить произошедшее, – предложил Виктор.

– Не успокаивай меня, дорогой! От кого же это зависит? Не знаю, как вам, а мне страшно! Анна! Ты что молчишь! – нервно воскликнула женщина.

Клювин развёл в стороны свои могучие руки и натужно улыбнулся:

– Вероничка! Мы тебя в обиду не дадим! Будем стеной стоять вокруг!

– Мне надоели ваши шутки! – Вероника принялась колотить бородача кулачком в грудь.

– Успокойся, Вероничка! Всё будет хорошо, – Клювин привлёк к себе всхлипывающую женщину, поглаживая её по плечу. – Возвращаемся! Экскурсия закончена, – рявкнул он в небеса.

– Боже мой, что с нами будет? – Мария схватила за руку Люсю.

– Я в этом ничего не понимаю. Мне страшно.

...Цицерон копался в своём огорожке, радуясь тихому солнечному дню и одиночеству. Он пристально оглядел утомлённую компанию, молчаливо-смирненно шествующую мимо, поморщился из-за того, что его отвлекли от любимого занятия, ища сочувствия в глазах Дашки. Собака ответила

понимающим взглядом: «Действительно, чего шатаются как неприкаянные... Да ну их, умников этих! Какое моё собачье дело до их праздности? Сбегаю-ка, посмотрю, однако, где это они шлялись всё утро. Почему такие взъерошенные вернулись? Может, чего потеряли? Да я недолго. Одна лапа здесь, а другая уже там...» Цицерон ласково потрепал псину, покачав головой: «Беги, собачара, по своим делам. Это люди привязывают себя к своим привычкам, отгораживаются тщеславием, ломаются в чужие ворота. А ты животное свободная. Захочешь, придёшь ко мне, буду всегда рад», – говорил взгляд Цицерона. Дашка приветливо замахала хвостом, забегала кругами, радуясь своей собачьей душой вниманию и пониманию человеческому.

Обескураженные люди хотели услышать хоть от кого, хоть какие, даже самые глупые и нелепые объяснения. Они вытащили стол с веранды на лужайку и расселись вокруг, не желая заходить в дом, этим самым подсознательно создавая иллюзию свободы!

Молчание, которое охватило всё лесное общество, нарушил Виктор. Он – хозяин этого райского уголка, ему и ответствовать перед публикой. Художник, приковывая к себе внимание, в задумчивости сжимал губы, глубоко втягивая носом воздух, и порывисто, порциями, выдувал его, будто выбирал язык общения с людьми – не поговорить ли на санскрите.

– Многие из вас знают, что в этих краях жили мои предки. В память о них я построил этот дом и повесил на стене старинную фотографию с видом усадьбы моих прародителей в селе Архангельском. Там в честь Михаила Архангела в девятнадцатом веке построили красивую каменную церковь. Она была очень ладная, воздушная, кипенно-белая, словно молодая берёзка. Если возможно сделать живое из камня, то архитекторам это удалось.

– Верно, Виктор, из камня можно сотворить даже ангела. Твой рассказик начал меня заинтересовывать.

– Люди вспоминали, что из лугов церковь эта смотрелась, как лебедь, плывущий по воде, – продолжал художник, устремляя взгляд куда-то за видимое пространство. – Рядом была часовенка с башенками. Там отпевали дворян. Между церковью и часовней, в некрополе знатного рода Хованских, в склепах, под гранитными и мраморными плитами и покоился прах моих предков...

– Виктор, – рявкнул Клювин, – женщины уже дрожат от страха. Ты нас пугаешь или намекаешь на то, что надо помянуть твоих знатных предков? Я не возражаю.

Вероника беззлобно покачала головой:

– Алексей Григорьевич, запас ваших шуток имеет границы?

– Сейчас мои шутки ограничены стеной, – Клювин налил себе коньяка. – Друг мой, трави байки дальше.

Виктор продолжил:

– В середине прошлого века построили плотину, Волга поднялась и затопила это село. Люди переехали в другое место – сейчас Архангельское за лесом! Там живут Мария и Люся. Мой отец рассказывал легенды о затопленном селе. Во-первых, климат там был особый. Урожаи богатые – будто всё само

росло. Кругом обложные дожди, трясины открываются, а в Архангельском пройдёт дождь – озеро разольётся за селом. Рыбы – ведром черпай... Но главная легенда – о церкви. Кстати, её пытались взорвать перед затоплением, но что-то помешало. Она долго виднелась из воды. Мои родители плавали к ней на лодке перед свадьбой.

Виктор замолчал. Паузу прервала Анна:

– Я люблю слушать легенды. Рассказывай, Виктор. Может быть, это прояснит случившееся и как-то нас успокоит?

– Аннушка, не нервничай. У нас уйма времени. В город мы не спешим, – Тартищев пытался пошутить. Он всё курил, периодически осторожно ощупывая свою рану, видимо, этим напоминая присутствующим о своём особом положении.

– Да-да... Верить этой легенде или нет, решать вам. О ней не знает даже Вероника. Так вот, легенда гласит следующее. В конце девятнадцатого века в этой церкви венчалась красивая молодая пара. Жених – темноволосый красавец, отпрыск дворянский – сын князя, моего предка, и невеста из простых, но красавица – золотоволосая девушка в белоснежном свадебном наряде. Поглазеть на венчание собрался народ со всей округи. Но во время обряда случилось невероятное...

Пауза нужна во всём. Пауза в этом месте была необходима. Виктор – хороший рассказчик – наслаждался созданной композицией: всё лесное общество замерло вокруг него в забавных живописных позах. Объединяло всех в этот момент одно – жадное любопытство. Виктор продолжил:

– Случилось чудо! В церкви вдруг поднялся шум – ужас! – большой чёрный ворон залетел под купол и стал биться крыльями. В церкви акустика великолепная. Скажешь шёпотом – во всех углах слышно. Народ заволновался... В глазах – страх и недоумение! Невеста – в обморок.

– Как наш Генри вчера, – хохотнул скульптор.

– Ну что это такое, Алексей Григорьевич? Какая беспардонность!

– Брось, Вероничка, тут все свои. Генри уже сделал выводы и начнёт заниматься туризмом. Верно, Генри?

– Если это от слова «культура», то я готов у вас брать уроки, – ответил юноша.

– Ха! Молодец, Генри. В находчивости ты силён. Виктор, мы с замиранием сердца продолжаем слушать твою брехню.

Если бы Виктор обращал внимание на колкости скульптора, он бы и не начинал рассказывать. Алексей Григорьевич мог любому, даже высокому чиновнику, сказать в глаза своё мнение. Виктор об этом прекрасно знал. Большим талантам бесцеремонность прощается. Сам он на такое был не способен и причиной считал не отсутствие у себя таланта, а наличие природной воспитанности и благородства.

– Народ, крестьясь, повалил из святого храма как ошпаренный. Когда паника улеглась, хватились – венцов нет. Пропали! Кто-то глянул вверх, а венцы-то на крестах. Чудо!.. Тут-то старик – бывший кучер князя – открыл правду:

выяснилось, что молодые были сводные брат и сестра, да не знали того: барин на стороне прижил дочку, а сын полюбил её и повёл под венец, а перед святым алтарём всё прояснилось.

– Какая же связь между твоей легендой и стеной? – спросил Тартищев.

– Мне лично всё понятно, – ответила за Виктора Анна.

– Что, Аннушка, понятно?

– Ну ясно же, Николай, что эти места имеют таинственную историю, а значит, возможны новые необъяснимые вещи, такие, как невидимая стена.

– Вот именно, Аннушка, необъяснимые, – последнее слово Тартищев сказал с растяжкой. – Всё должно иметь объяснение.

– Многое в нашем мире необъяснимо. Один философ сказал: «Мне известно, что мне ничего не известно, вот последняя правда, открытая мной...»

– Хватит сентиментальности, Генри! Правда – в силе. Об этом даже пишут в газетах.

– Вчера утром я заметил чёрного ворона на высохшей сосне. Он следил за мной всё время, пока я плавал.

– Ворон? – удивилась Вероника. – Ты ничего мне тогда утром не сказал.

– Сегодня на обгоревшей сосне сидел ворон, – вспомнил Генри.

– Боже мой, это плохой знак! – вполголоса сказала Мария.

– Да он там всегда сидит, как чёрт на трубе! – громыхнул Клювин.

Анна выпучила глаза, наполненные внутренним страхом:

– Может быть, это место проклято?

– Надо выпутываться своими силами. Факт! – отрезал Лёва.

Клювин приложился к новой рюмке:

– Молодец, парень! Уважаю смелость и напор! Будем брать быка за рога! Выпьем за успех нашей операции.

– Факт! Надо выбирать! – Факт! Надо выбирать!

– Это место не может быть проклятым, – вступился за свою малую родину художник. – Здесь жили прогрессивные люди. В восемнадцатом и девятнадцатом веках сюда привозили со всех уголков мира ценные породы деревьев. Здесь был чудесный дендропарк. Его сажали солнцезащитно – магическими аллеями. Каждая аллея в определённое время суток источала свой аромат. А какая библиотека была в доме! – всю периодику доставляли из Москвы. Отпрыски дворянские из соседних губерний здесь изучали науки. Хованские школу открыли для них.

– Думаю, стоит поискать ответ на загадку в книгах, – задумчиво произнёс Генри.

– Верно, Генри! Дерево науки потряси! – сострил Клювин.

– Эта стена необъяснима, как шаровая молния. Факт! – отрезал Лёва.

Разговор продолжался часа два, но кроме утомления и полной неопределённости, ничего другого люди от него не получили. Вероника предложила оставить тему, вернуться в дом, пообедать и отдохнуть. Она сказала:

– Нам надо проявить терпение, благоразумие и помнить, что всему бывает причина. Ничего страшного не произошло. Многие люди живут за

выстроенными стенами и заборами. Многие жаждут отгородиться от всего мира. Мы живы и здоровы, а это главное!

С этим рассуждением все молча согласились, кроме Клювина:

– Был бы лес, будет и леший. Пора обедать!

Глава 7. Обломки петрефактов

Однако остаток дня прошёл скучно и тягостно. Все погрузились в некое оцепенение, словно в зале ожидания аэропорта: рейс многократно откладывается и откладывается из-за непогоды, и все планы пассажиров рушатся, и люди понимают, что никаким образом они не в состоянии повлиять на выверты природы, и втайне утешают себя скорым вылетом, не в состоянии ни на чём другом сосредоточиться. Люди становятся петрефактами – окаменелыми вещами, и со стороны смотреть на них и грустно, и смешно. Ну куда торопится человек? Земля вращается, Солнце выбрасывает свои протуберанцы во Вселенную, звёзды мерцают, закручивая спираль галактики, – и человек не в силах повлиять на эти процессы. Но нет, какая-нибудь мельчайшая забота в такие кандалы закуёт разум человеческий, что, кажется, мир исчезнет, если не исполнится это булавочное дело. Таков уж человек, и в этом нет его вины, в этом как раз и заключается вся тяжесть жизни, засыпанной этими заботами-мороками, как ток – злаковыми зёрнами. Редкий индивидуум способен позабыть о мелочах, поселиться в бочке, въежиться в её пространство и предаться философским размышлениям о значении бытия. Да и где ж на всех взять бочек?

Один Алексей Григорьевич, казалось, не превратился в петрефакт. Он много пил, не закусывая, и всё грозил своему таинственному «собрату-скульптору», изваявшему стену из пустоты. Затем он стал требовать мраморную глыбу, чтобы показать этому «собрату» «настоящее искусство», чем ненадолго разбавил кисельную скуку общества, но вскоре его буйство всех утомило, и, к всеобщей радости, Клювин наконец-то уgomонился в кресле: свалил свою бородатую голову набок и захрапел. Тихий ужин не привнёс в настроение каких-то изменений, и все рано разошлись по своим комнатам ко сну.

На следующий день Генри, Клювин, Лёва и девушки отправились к опушке, но вернулись унылые – стена не исчезла. Время пошло по-прежнему в ожидании чего-то, чего никто не мог понять. Что-то изменило их жизнь, и непонятно на какое время, хотя никаких видимых признаков этого просто-напросто не было. Именно это обескураживало и пугало людей. Так случается, когда совершенно здоровый с виду человек чувствует в себе начало каких-то страшных изменений, которые грозят в будущем испортить размеренную жизнь, пусть и в чём-то скучную, но прогнозируемую и понятную.

Вероника уединилась с Анной. Беспокойство о том, что второй день было необъяснимо, они по-женски перевалили на плечи мужчин.

– Пусть об этом позаботится наша сильная половина, – сказала Анна.

– Да, – ответила Вероника, – эта стена не для наших хрупких плеч. Нам хватает забот по хозяйству. Ты знаешь, Анна, Виктор совершенно не приспособлен к быту. Я ради него бросила работу в университете, где меня считали неплохим филологом. Говорит, как доберусь до вершины славы, так

заживём в своё полное удовольствие. К этой вершине он карабкается уже семь лет. Правда, Испания меня окрылила. Он пользовался там восторженным успехом. В России его не так ценят, как в Европе. Там нас донимали журналисты и другая публика, но мы хорошо отдохнули. Однако, главное – мы жили в тихой гостинице, и, можно сказать, пережили второй медовый месяц. Он ходил на корриду, а я гуляла по улочкам Севильи. Накупила одежды. Виктор расщедрился. Я кое-что привезла сюда. Хочешь, покажу туфли?

– Какая прелесть, Вероничка!

– Я была в них на губернаторском балу. А вас с Николаем там не видела!

– Прошу тебя никому не говорить о том, что я тебе открою. Плохая новость, но тьфу-тьфу-тьфу, кажется, всё обошлось. Николаша лечился в одной московской клинике. Ему делали серьёзную операцию. Он скрывает свой недуг. Хочет опять в большую политику идти. Мало его, упрямца, прокатали в прошлом году на выборах. О здоровье совсем не беспокоится. Обо мне бы подумал, чёрт лысый, останусь одна, что делать-то буду? – Анна лениво вздохнула.

– Да, Аннушка, всё бы им забраться на Эверест. Упрямцы! Как говорят: «У него на голове хоть кол теши!»

– Было бы здоровье, так пускай лезет хоть на Северный полюс.

На время женщины замолчали, а затем Вероника, видимо, продолжила свои мысли:

– Не люблю холода... Север меня не привлекает. Европа скучна. Люблю наш зелёный лужок. Мне кажется, что цветы похожи на ноты, а вокруг музыка. Музыка Чайковского.

– По молодости надо в люди выбиваться, – прервала лирику Вероники Анна. – Правда, я не жалею на Николая, но посмотрела, как многие в Москве живут. Ой, Вероничка, обзавидовалась... А дочка-то ваша ещё не замужем? Сейчас в Англии? Ах, в Лондоне учится! Ну да-да-да, как же, подзабыла... Вот в нашу молодость мы о загранице и не мечтали, – в таком ленивом течении разговор продолжался неизвестно сколько времени. Практически вечность. Интерес больше проявляла Анна, а Вероника гостеприимно приспособилась к собеседнице, пытаясь отвлечься от тяжёлых дум: милосердная озабоченность не покидала её милого лица.

В небольшом бильярдном зале в это время шла более оживлённая беседа, в которой участвовали Виктор, Тартищев и Клювин. Первые двое пытались играть, но без особого азарта. Говорил Тартищев:

– У меня даже мелькнула шальная мысль, что это новые политтехнологии. Да-да! Я это чувствую. Происки конкурентов. Всё может быть! Сейчас новые технологии бегут впереди паровоза. Так сказать, обгоняют человеческий разум вопреки разуму. Кажется, неплохая мысль?

– Ну ты загнул, Тартищев! Скажу тебе, брат, впереди паровоза бежать не следует. Лучше на нём ехать хоть к чёрту на кулички.

– Когда-нибудь уедем, Алексей. Ты, Виктор, себя не вини, что появилась такая штука на твоей территории. Ты совершенно ни при чём. Вот когда у меня в

гостинице объявились нежданно-негаданно пожарники, Роспотребнадзор и Налоговая, тут я переволновался. Губернаторские псы натравили, когда я пошёл поперёк. Вот кого надо изолировать. Круто они старую гвардию потеснили. А тут нас никто не трогает, хотя кто-то сильно задел моё самолюбие.

– Самолюбие, дорогой Тартищев, хуже большого брюха. Не согнать, не спрятать! – скульптор с нескрываемым удовольствием похлопал по своему животу.

– Нам надо выбрать, друзья, общий путь поведения и отношения к происходящему. Переждать это явление. Мои закрома забиты съестным. Вы же знаете, что Лёва в селе магазин открыл. Устроил в подвале дома продуктовый склад.

– Твоё мнение совпадает с моим. Уверен, дня два-три, максимум неделя, и будет свобода. Что скажешь, Алексей?

– Будет так будет, а не будет, так что-нибудь да будет. Пора принять сотенку граммов для консенсуса и выйти на свежий воздух. – Покинув прокуренную бильярдную, они расселись на веранде. – Куда это наши молодцы направились?

Лёва и Генри вышли из гаража и двинулись к реке. Несколько фраз долетело до веранды:

– Дурак ты, Генри! Жить надо со вкусом. Твоя лирика сейчас никому не нужна. Времена Лермонтова прошли. Их не догонишь даже на моем «БМВ».

– Конечно, незабвенные времена золотой и серебряной поэзии канули в Лету, но для человеческой души всегда требуется возвышенное. Женщины ждут от нас таких строчек: «Ты вся чиста, ты вся воздушна...»

– Чудак ты в очках! Женщины ждут красивую машину и нахального пижона в дорогом костюме, который скажет: «Прокатимся, красотка!» Ни одна ещё не отказывалась. Потом поймёшь, когда выберемся. Мне кажется, под водой можно найти выход. Рыба наверняка плавает беспрепятственно. Вода не может быть разрезана как масло. Я же видел вчера волны до самого горизонта. Факт!

Молодые люди вышли на косогор и замерли, с жадным любопытством разглядывая неожиданную картину. Две обнажённые девушки плескались в воде. Их беззаботный смех разливался вместе с тёплой водой по всему берегу. Казалось, вся природа трепетно наблюдала за игрой речных нимф. Это были Мария и Люся.

– Вот это красотки, факт! Я не против поплескаться с ними, – Лёва резво прыгнул с косогора на горячий лилово-жёлтый склон и прыжками спустился к реке. Девушки испуганно завизжали и бросились на глубину, пряча в подводные течения обнажённые тела.

– Девушки, что же вы такие стеснительные, – ухмыльнулся Лёва.

– Нам надо одеться, уходи, – крикнула Люся.

– Я вам не мешаю, – Лёва бесцеремонно встал возле брошенной девичьей одежды. – Одевайтесь, я даже оботру вас полотенчиком.

– Мы стесняемся, – девушки замерли в воде, как две кувшинки.

– Знаю я ваши хитрости. Все сначала стесняются, факт!

– Боже мой, какой нахал, – Мария прижалась плечом к Люсе.

– Ой, держите меня, ма... – начала Люся и осеклась.

– Лёва, ты что сдурел! Дай девушкам одеться. Пойдём по берегу, посмотрим, где сегодня проходит стена, – Генри спустился по сыпучему склону следом.

– А ты сам-то чего прискакал сюда?

– Не унижай девчонок, пойдём, – Генри взял Лёву за локоть.

– Отстань! – отмахнулся тот. – Девчонки, я жду, выходите на подиум. Проведём конкурс красоты. Самая красивая поедет со мной в Ниццу, – Лёва был очень доволен собой.

– Пойдём, Лёва, девушки могут замерзнуть.

– Отстань, добрячок!

– Они при тебе не выйдут из воды. Разве непонятно?!!

– Куда же они денутся с «подводной лодки», как говорят на флоте. В русалок превратятся? Ты проваливай, а я повеселюсь.

– Нет, мы уйдём! – Генри упрямо вцепился в Лёву. Началась потасовка, а потом и настоящая драка. Рефери на песчаном ринге не было, и никто не останавливал бой. Генри, сжав зубы, плача от боли и гнева, яростно тащил соперника за собой, а тот бил его по голове, пока Генри не упал на колени. Очки слетели с него. Но даже после этого он не отпустил Лёву, а повис на нём, как бульдог, держа врага мёртвой хваткой.

– Да отпусти, шизик, ухожу я, – он сильно ударил, Генри упал в песок, перехватив Лёву за ноги. – Отпусти, дьявол небесный! – Лёва потерял равновесие и повалился навзничь. Пнув Генри, он выдернул ногу, встал, отряхнулся, посмотрел на лежащего лицом вниз неподвижного поэта, процедил сквозь зубы «урод» и полез по склону наверх.

Мария и Люся выбрались из воды, наспех оделись и бросились к Генри. Он шевельнулся, открыл глаза и улыбнулся: «Найдите мои очки!»

– Вот они, целёхонькие! – радостно закричала Мария. Она сполоснула их в речной воде, намочила полотенце и стала бережно вытирать лицо Генри. – Меня ещё никто не защищал... Да-а, – девушка чуть покраснела. – Спасибо, Генри!

– Мы думали, что нам придётся сидеть в воде до ночи, – сказала Люся, помогая ему подняться. – Ничего, до свадьбы заживёт.

– Это кровь из носа. Никаких ссадин нет у тебя, Генри! – говорила Мария, заботливо осматривая Генри со всех сторон.

– Какой дурак и хам этот красавчик Лёва! – воскликнула Люся, бросая взгляд на косогор.

Они ещё долго сидели на берегу, разговаривали, Генри рассказывал весёлые истории и читал девушкам стихи. Он быстро пришёл в себя, получив настоящий бальзам для своих телесных и душевных ран – благодарные взгляды милой заботливой Марии и симпатичной Люси, весёлый девичий смех и улыбки. Втроем они рисовали прутиками на песке потешные фигуры животных, давая друг другу задание: «Генри рисует льва... Мария рисует зайца...» Смеялись над своими художествами, хохотали друг над другом. Потом бегали, как дети, по

песку среди толстоногих жирафов и забавных львов. Вернулись они в особняк часа через два, но никому об инциденте не рассказали. Да всем было не до этого: на веранде шёл важный разговор.

– У меня серьёзные переговоры в городе, Виктор. Приедут московские компаньоны, – горячился Тартищев, – Аннушка подтвердит.

– У моей мамы в эту пятницу день рождения, не забудь, Николай. Она обижается, когда ты в это время вдруг уезжаешь.

– Помню, лапушка! – отмахнулся Тартищев. – На следующей неделе я собираю новый предвыборный штаб. Это поважнее дней рождений.

– Да, Николай собирается в Госдуму. На прошлых выборах ему немного не повезло, – продолжала Анна. – На этот раз, Николай, больше прислушивайся к моим советам. Ты тогда не стал встречаться с ветеранами.

– Мне спутал все карты этот пивовар. Напоил полгорода бесплатной дрянью. Что это за пиво? Народ не пробовал настоящего баварского напитка!

– Правильное замечание, дорогой Тартищев. Бочонок свежего немецкого пивка был бы очень кстати. Но не забывай, тут у многих есть причины торопиться в город. Однако без нас он не исчезнет. Люди также будут спешить по утрам на работу. Успокойтесь, – заметил Клювин.

– Причина причине рознь, – не согласился с доводами скульптора Лёва. – Нам с Виктором надо срочно в Москву. Факт! Приезжает одна итальянская актриса. Виктор вручит ей портрет, который написал именно к этому дню. Политика! Не всем понять. Кроме того, мне надо потусить в ночном клубе, подыскать новых клиентов, да и другие дела ждут. Факт!

Вероника вопросительно и с укором посмотрела на супруга:

– Виктор, я надеялась, что лето мы проведём спокойно, вместе, здесь на Волге. Меня утомляет столичная суэта и заграничная чопорность. Ты же втайне от меня строишь новые планы, не считаешься...

Виктор с явным нетерпением перебил её:

– Вероника, я бы с радостью отдохнул. Однако не забывай, что за популярностью надо следить и ухаживать, как за экзотическим растением. Необходимо постоянно мелькать в прессе и на телеэкранах.

– Факт! – подтвердил Лёва.

Тартищев одобрительно кивнул, выпуская густой дым сигареты:

– Да-да! Правильно! Поэтому я предлагаю подать сигнал «SOS».

– Как? – все с надеждой и интересом уставились на Тартищева. Тот выдержал длительную паузу:

– Ночью сложим большой костер у стены. В Архангельском увидят огонь и прибегут. Вызовут МЧС.

– Отличная идея – посидеть у ночного костерка с бутылочкой винца и побряцать на гитарке.

– Романтично... Это напомнит мне пионерское детство. Одобрю! – рывкнул Клювин.

– А я не одобряю! Вдруг лес подожжёте? – воскликнула Вероника.

– Хорошая идея! – поддержал Виктор. – Может быть, стена от огня расплавится и исчезнет. Это какой-то шанс на спасение. Хотя от кого спасаться-то? От самих себя!

– Так, решено! Хватит философии, Виктор! Генри, найди Цицерона. Пусть подготовит пилы, топоры и лопаты. Лёва, плесни из бака немного бензина в банку. Вероничка, собери с девушками провиант. Пойдут все!

...Вечерело. Первая звёздочка окунулась в синие воды неба и задрожала на невидимых волнах. Ворон на обуглившейся сосне следил за торопливыми действиями людей на опушке леса. Они суетились, бегали, толкали друг друга. Слаженности в работе не было никакой. Слышались возгласы и упреки:

– Генри, ты что, пилу ни разу в руках не держал? Тяни на себя живее. Ещё живее! – ворчал Клювин, распиливая сваленную Цицероном сосну. Тот подрубил в это время другую: «Отойди!.. Смотри!»

– Эй, вы, лесопилы, оглохли! – кричал Лёва Клювину и Генри. – Отойдите, сосна на вас рухнет.

– Сам ты, Лёва, недопил-перепил, – рявкнул Клювин. – Сосна в другую сторону повалится.

– Все отойдите от греха! – кричала Вероника.

– Если мы будем бегать туда-сюда, мы и к утру не сложим костер, – подгонял Тартищев.

– Поднажми! – Цицерон и Лёва упёрлись в смолистый ствол.

– Ой-ой... А-а! – завизжали девушки, разбегаюсь в стороны, только Анна замешкалась.

– Анна, что рот разинула? Беги!.. Ложись! – Тартищев бросился к жене, а следом и остальные. Падающая сосна слегка задела её ветками. Женщина лежала обескураженная и испуганная. Тартищев кричал на Лёву и Цицерона:

– Вы что, олухи, не видели, что Анна не успевает отойти?

Лёва огрызался:

– Сами рты пооткрывали, как пингвины. Шевелиться надо! Здесь лесоповал, а не салон красоты. Факт!

– Успокойтесь. С ней всё в порядке. Аннушка, скажи! – Вероника взяла Анну за руку.

– Ногу подвернула, кажется. Ой-ой, больно вставать.

– Ничего, отпустит. Присядь в сторонке. Помогите ей, Мария, Люся!

Работа продолжалась.

– Ветки руби! – командовал Цицерон.

– Лёва, куда топор бросил! Руби ветки!

– Что ты тут командуешь?

– Взяли, потащили! Да не приседай!.. Не торопись... Дьявол небесный!.. Кто мне мешает? Ставим!.. Где пила, братцы? Ветки, ветки несите... Укладывайте между брёвнами... Сушняка соберите... Где-где!.. Спокойнее, мужики. Окапывайте кострище. Глубже! Тартищев, дорогой, сам же придумал взять крепость в осаду и сжечь! Суворов наш!.. Отдыхаем! Шабаш!

Уставшие люди смотрели на сложенные у невидимой стены высоким шатром брёвна и ветки.

– Лёва, поджигай!.. Где бензин? – Тартищев вопросительно посмотрел на Лёву. – Забыл? Я так и знал!

– Что ты всё придираешься? Ну забыл.

– Беги!

– Нашёл мальчика!

– Я принесу, – вызвался Генри.

– Я с тобой схожу, – смущённо произнесла Мария...

Костер нехотя разгорался. Пламя широкими языками поднималось в тёмно-фиолетовое небо, стараясь дотянуться до звёзд.

– Хороший огонь! Скоро сюда сбежится вся деревня!

Наступило оживление. Радостно приступили к ночной трапезе, насмотревшись на магическую пляску красно-оранжевых существ, выпрыгивающих из черноты. Клювин пел подзабытые пионерские песни, вначале ему пытались подпевать. Тартищев и Лёва всматривались в тёмные силуэты далёких домов, но никакого движения в сторону сигнального огня не наблюдалось. Через час энтузиазм пропал. Один Клювин был ещё весел.

– Эх, хороша Русь! Генри, подтверди классикой, – скульптор доедал остатки жареной рыбы и допивал бутылку «Симбирской» водки.

– Фет. «Как ясность безоблачной ночи, как юно-нетленные звёзды...» – начал юноша.

– Ясно одно, – перебил Тартищев, – этот тайм мы проиграли. Нас никто не собирается искать.

Костер изрыгал пламя как Везувий. Его должны были увидеть в селе.

– Почему никто не пришёл? – пожимала плечами Вероника.

– Что грустить! – воскликнул Клювин. – Мы на отдыхе. Я вам расскажу одну забавную историю. По молодости я любил походы...

К полночи наступило всеобщее утомление. Вероника, Виктор, Люся и Цицерон ушли, помогая прихрамывающей Анне. Следом поплёлся Тартищев.

– Дьявол небесный! Где люди? Почему никто не пришёл на помощь? – возмущался Лёва.

Клювин был в приподнятом настроении:

– Весёленькая ночка! Какие звёзды... Жаль, выпивка закончилась. Пойдёмте искать спасение в сновидениях.

Лёва, ухмыляясь, и Клювин, бодро напевая, пошагали в чёрный туман спящего леса, растворяясь в нём без остатка и утягивая за собой свои собственные голоса. У догорающего костра остались двое. Тишина ночи опустилась на землю. Темнота вплотную приблизилась к костру.

– Хочешь, я прочитаю стихотворение Фета целиком, – Генри обнял девушку. – Ты дрожишь! Замерзла? Подсядем к огню поближе.

– Я люблю стихи. Почитай!

– Как ясность безоблачной ночи,

Как юно-нетленные звёзды,

Твои загораются очи,
Всесильным, таинственным счастьем...

– Тебе какие девушки нравятся? – Мария глядела на дрожание пламени, будто спрашивала таинственного кочегара, следящего за огнём.

– Весёлые и добрые, как ты, – ответил Генри, открыто взглянув на девушку.

Мария помолчала; чуть улыбаясь, ласково посмотрела в глаза Генри, увидела в них отблески ночного костра и прошептала:

– А мне нравятся такие, как ты. Умные и симпатичные.

Генри прислушался к её дыханию, долго смотрел в переливающиеся оранжевым светом зрачки, вдруг приблизился и поцеловал застывшие губы Марии. Она закрыла глаза, потом отстранилась, встала, отряхивая платье: «Надо идти, Генри!»

Он вздохнул, взял лопату и присыпал угли. Некоторое время они шли молча. Затем Генри крикнул в небо: «А-а-а... Мари-и-я-а!» Молодые люди прислушались к эху и дружно засмеялись, прогоняя страшную черноту надвигающегося леса...

Конец ознакомительного фрагмента.

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на [ЛитРес](#).